

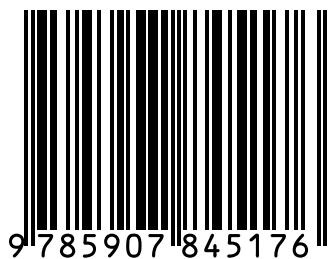
Мировое большинство и его интересы

Тимофей Бордачёв,

Денис Дегтерёв, Евгений Канаев, Василий Кашин,
Александр Королёв, Алексей Куприянов,
Майя Никольская, Дмитрий Розенталь,
Иван Сафранчук, Николай Сурков,
Дмитрий Суслов, Виктор Хейфец

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907845-17-6

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2024

Российская Федерация, 127051, Москва,
Цветной бульвар, дом 16/1

Авторский коллектив

Тимофей Бордачёв

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай». Научный руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ.

Руководитель авторского коллектива и редактор доклада

Денис Дегтерёв

профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Евгений Канаев

профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Василий Кашин

директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Александр Королёв

заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Алексей Куприянов

руководитель Центра Индоокеанского региона ИМЭМО РАН

Майя Никольская

и.о. директора Центра африканских исследований ИМИ МГИМО МИД России

Дмитрий Розенталь

директор Института Латинской Америки РАН

Иван Сафранчук

профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, директор Центра евроазиатских исследований ИМИ МГИМО МИД России

Николай Сурков

руководитель Группы изучения общих проблем региона Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России

Дмитрий Суслов

заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Виктор Хейфец

профессор РАН, директор Центра ибероамериканских исследований СПбГУ

Содержание

- 3 Введение
- 4 В поисках определения
- 9 Мировое большинство
и международный порядок
- 13 Мировое большинство и конфликт
между Россией и Западом
 - Страновые особенности
 - Равноудалённость
мирового большинства
- 22 Мировое большинство
и старый порядок
- 25 Границы мирового большинства
- 27 Контурсы российской политики

Введение

Одним из наиболее значимых явлений современной международной жизни в 2022 году стало оформление большой группы государств, которая получила в российской внешнеполитической риторике название «мировое большинство». Эти государства отказались от участия в экономических и других санкциях Запада против Москвы, сохранили, а некоторые даже расширили торговые и инвестиционные отношения с Россией. Группа неоднородна и включает в себя страны разного масштаба, расположенные на всех континентах (кроме Австралии), не состоящие в одних и тех же политических объединениях и нередко находящиеся между собой в конфликтных отношениях. Само по себе появление данной группы не связано исключительно с Россией – это продукт эволюции международной системы. Однако именно конфликт между Россией и Западом стал катализатором её оформления.

Определение мотивов поведения стран мирового большинства лишь в незначительной степени подчиняется логике, основанной на предшествующем опыте изучения международной политики. Другими словами, наука о международных отношениях не располагает убедительными инструментами анализа действий настолько разнородной группы стран, пока только гипотетически рассматриваемой нами в качестве целостного явления.

Однако мировое большинство представляет собой реальность глобальной политики и экономики. Оно влияет на ход военно-политического кризиса в отношениях России и стран Запада, а также содержит черты, которые могут быть свойственны международному порядку в будущем. В любом случае эта совокупность государств уже объединена важной особенностью поведения применительно к текущему конфликту, представляющему глобальное значение и способному серьёзно повлиять на положение его основных участников. А значит, может рассматриваться в качестве не просто случайного или частного явления, но фактора, существенного для развития исторического процесса и того, как будет эволюционировать структура международной системы.

Для России важнейший вопрос в том, возможна ли единая политика в отношении обширной группы государств, не консолидированной и не объединённой общими принципами? Ответ имеет сугубо практическое значение и не выглядит однозначно положительным или отрицательным. Сейчас мы в самом начале пути понимания меняющейся международной реальности.

В клубе «Валдай» в 2024 году состоялась серия обсуждений с участием ведущих российских специалистов по развитию и политическим системам отдельных регионов и стран. Основные участники дискуссий: Денис Андреевич Дегтерёв, профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Евгений Александрович

Канаев, профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Василий Борисович Кашин, директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ; Александр Сергеевич Королёв, заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ; Алексей Владимирович Куприянов, руководитель Центра Индоокеанского региона ИМЭМО РАН; Майя Викторовна Никольская, и.о. директора Центра африканских исследований ИМИ МГИМО МИД России; Дмитрий Михайлович Розенталь, директор Института Латинской Америки РАН; Иван Алексеевич Сафранчук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, директор Центра евроазиатских исследований ИМИ МГИМО МИД России; Николай Юрьевич Сурков, руководитель Группы изучения общих проблем региона Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России; Дмитрий Вячеславович Сулов, заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ; Виктор Лазаревич Хейфец, профессор РАН, директор Центра ибероамериканских исследований СПбГУ. Также проблематика, затронутая в докладе, широко обсуждалась в ходе целого ряда других валдайских мероприятий в 2022–2024 годах. Результаты этих дискуссий использованы основным автором доклада.

В этой работе рассматривается проблема определения феномена, получившего в российской дискуссии наименование «мировое большинство», освещаются возможные параметры его влияния на современный и будущий международный порядок, делается попытка уточнить мотивы, повлиявшие на внешнеполитические решения конкретных стран, относящихся к данной группе. Также в докладе определяются основные точки взаимодействия мирового большинства с противниками России на Западе и анализируются пределы его влияния на ход основных международных процессов и событий. И, наконец, в самых общих чертах намечаются перспективные подходы к тому, как Россия могла бы выстраивать политику в отношении мирового большинства в будущем.

В поисках определения

В периоды противоборств вопрос терминологии обретает особую значимость: способ передачи послания сам становится посланием. И не стоит недооценивать, какие слова используются в обсуждении важнейших тем международной жизни. Поэтому, с нашей точки зрения, понимание того, как Россия может распространять свои категории в международном политическом и интеллектуальном сообществе, а также с какими препятствиями ей придётся столкнуться на этом пути, чрезвычайно важно.

За последние два года понятие «мировое большинство» прочно утвердилось в российской политической и экспертной дискуссии о вопросах развития международной политики и экономики. Оно впервые появилось в 2022 году¹ и с тех пор активно используется в официальных заявлениях представителей внешнеполитических ведомств России и ряда других государств, фигурирует в академических исследованиях и экспертных оценках². Понятие «мировое большинство» стало одним из системообразующих в российской концептуализации современной международной политики и экономики, оно стало основой системы координат для оценки поведения разных зарубежных партнёров и потенциала развития сотрудничества.

Это является как преимуществом, так и недостатком нашего мышления о международной политике. Преимуществом, потому что позволяет более системно воспринимать глобальную политическую и экономическую реальность, видеть базовые предпосылки поведения партнёров. Недостатком, поскольку неизбежно создаёт «соблазн излишних обобщений, подспудное предположение, что “большинство” представляет собой нечто консолидированное и объединённое общими принципами». При этом «важно понимать, что мировое большинство – это совершенно точно не некий сложившийся антизападный блок. Это тем более не некий пророссийский блок, как бы нам этого ни хотелось»³.

Понятие «мировое большинство» пока не включено в дискурс дружественных России стран, не употребляется на уровне политических заявлений, документов и деклараций. Более того, представители экспертного сообщества некоторых стран, относимых Россией к мировому большинству, иногда выступают против использования данного термина в совместных документах. Привлечённые нами специалисты не отмечают примеров использования термина в каком-либо качестве, сходном с тем, что в него вкладывает Россия, в странах Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки или Африки, хотя в последнем случае интеллектуальная среда видится экспертам наиболее подготовленной для восприятия российских нарративов.

¹ См.: Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 5. С. 6–18. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-ne-zapada-k-bolshinstvu/> (дата обращения: 11.09.2024).

² Тренин Д.В., Крамаренко А.М. Политика России в отношении Мирового большинства. Доклад под ред. С.А. Караганова // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2023. URL: <https://publications.hse.ru/books/885860684> (дата обращения: 11.09.2024).

³ Косачев: В 2023 году появилось отвергающее однополярную модель мировое большинство // Российская газета. 26.12.2023. URL: <https://rg.ru/2023/12/26/kosachev-v-2023-godu-poiavilos-otvergaiushchee-odnopoliaruiu-model-mirovye-bolshinstvo.html> (дата обращения: 11.09.2024).

Глобальный Юг

Лидеры общественного мнения и руководители дружественных иностранных государств либо не используют никаких специальных понятий для определения совокупности стран, которые не выступают против России, либо используют понятия «Глобальный Юг», «растущие экономики» или «глобальное большинство» (то есть развивающиеся страны бывшего «третьего мира»). Эти понятия уже являются укоренёнными в научной литературе и публицистике, заявлениях политических деятелей, средствах массовой информации.

При этом понятие «Глобальный Юг» является наиболее распространённым и, видимо, продолжает традицию противопоставления развивающимся странами себя Западу – как бывшим колониальным или современным неоколониальным державам. В частности, понятие «Глобальный Юг» наиболее активно используется индийской дипломатией для продвижения собственных взглядов на мировые дела и демонстрации отношения к наиболее важным проблемам развития. Оно фигурирует во внешнеполитической риторике стран Юго-Восточной Азии, отчасти Китая и арабских стран Персидского залива, Ближнего Востока и Северной Африки.

Термин «Глобальный Юг» (фактически заменивший «развивающиеся страны») наиболее употребим в странах Латинской и Карибской Америки (ЛКА). Есть некоторые нюансы: например, он достаточно редко употребляется в дискурсе Аргентины (так было и при неоперонистских, и киршнеристских администрациях 2006–2015 годов и 2019–2023 годов соответственно), которая по многим вопросам старается ментально идентифицировать себя со странами условного Запада, даже тогда, когда проводит политику, типичную для стран Глобального Юга. В то же время в соседней Бразилии этот термин давно и прочно вошёл в обиход, относительно часто он используется и в Мексике, экономически теснейшим образом связанной с США и Канадой.

Страны ЛКА, на протяжении десятилетий являвшиеся жертвами империалистической и неоколониальной политики, в этом вопросе довольно близко оказываются к странам Глобального Юга, хотя значительная часть элит предпочла бы альянс с условным Западом. Именно поэтому первой линией осознания своей непринадлежности или неполной принадлежности к Западу страны ЛКА полагают отсутствие справедливой их представленности в институтах мировой финансовой системы, что не позволяет многим избавиться от статуса периферии глобальной экономики. В этом вопросе резко антиамериканские Куба, Венесуэла и Никарагуа, и (в меньшей степени) Боливия прекрасно находили общий язык с Колумбией, Чили, Перу, Мексикой, больше ориентировавшихся на Вашингтон.

Понятие «Глобальный Юг» является устоявшимся в политическом и научном дискурсе на Западе. Однако там оно соседствует с понятием «глобальное большинство», традиционно используемым на Западе в качестве эвфемизма для обозначения небелого населения мира или собирательного названия развивающихся стран. В целом сейчас в странах, которые Россия объединяет термином «мировое большинство», наиболее принятым способом обозначить не-Запад является понятие «Глобальный Юг», а на Западе для маркировки не-Запада употребляется термин «глобальное большинство».

Российское понятие «мировое большинство» имеет пространство для более широкого распространения, однако конкурирует с устоявшимися определениями. Именно поэтому стоит серьёзно относиться к внедрению данного понятия, поскольку оно может служить инструментом присутствия России в глобальной политической и академической дискуссии, государственной, общественной, научной дипломатии, в том числе на площадках международных организаций, где Россия активно участвует.

Отрицание общего определения, предлагаемого Россией, является признаком поведения стран мирового большинства, проявлением их субъектности. Эта самостоятельность имеет стихийный характер и не является продуктом стратегических измышлений, она обусловлена использованием возможностей, которые в настоящее время предоставляет конфликт России и Запада, но не необходима для выживания интересующей нас группы государств.

Сами страны мирового большинства не стремятся к тому, чтобы обозначать себя в качестве некой новой международной реальности, предпочитают использовать понятия, которые привычны в отношениях с важными партнёрами на Западе. Хотя и всячески подчёркивают свой изменившийся статус. Россия имеет для них большое значение как политический лидер трансформации мирового порядка, важный внешнеэкономический партнёр и структурообразующая держава мировой политики. Однако уклонение от следования её концепциям не несёт угрозы, в отличие от отношений с Западом, который всё ещё держит в руках образовательные, научные, финансовые возможности, ведущие средства массовой информации. Иначе говоря, предлагая свои дискурсивные категории, Россия не запугает потенциальными последствиями за отказ к ней прислушаться.

Не стоит забывать, что сегодня даже сохранение дружественных отношений с Россией становится причиной активного давления со стороны

Запада. Страны мирового большинства – за некоторыми исключениями (КНДР, Иран, Сирия, Венесуэла, Мьянма, Альянс государств Сахеля) – не ориентированы на конфликт с США и Европой, если речь идёт о базовых интересах и ценностях – даже тогда, когда Запад ведёт себя по отношению к ним пренебрежительно. Понятие «мировое большинство» по-разному понимается в Китае, Индии, на арабском Востоке (страны Персидского залива), в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии. Везде оно получает собственную интерпретацию, впитывая идентичность той или иной страны, что позволяет рассчитывать на постепенное внедрение в дискуссию именно российского видения.

Африка – пространство возможностей

Наибольший потенциал распространения понятия «мировое большинство» имеет в странах Африки. Причин тому несколько.

Во-первых, происходит смена политических поколений в дипломатии и экспертизе. Постепенно уходят те, кто был наиболее тесно связан с Западом в постколониальный период, выступал проводником западных интересов и дискурса. Одновременно уходит в прошлое влияние социалистической идеологии, воспринятой африканскими политиками, дипломатами и учёными старшего поколения в версии СССР. Это создаёт сравнительно открытое пространство для конкуренции идей, восприятия альтернативных дипломатических и политологических парадигм (российских или китайских) на фоне растущего стремления африканских академических кругов к диверсификации научного знания и более активным контактам с российским академическим сообществом.

Во-вторых, среди населения и даже интеллигенции в Африке присутствует подспудное недоверие к западным нарративам. Альтернативные теории были популярны на континенте ещё в 1980-е годы, память частично сохраняется. В результате африканские страны не особенно охвачены западными понятиями и стремятся к новой терминологии международных отношений. Исключением являются ведущие государства – ЮАР, Эфиопия, Кения, Гана и ряд других – их лидеры общественного мнения и академическое сообщество используют западные понятия. Хотя и там не все готовы следовать в фарватере дискурсивного доминирования Запада.

Сочетание этих двух факторов ведёт к тому, что в африканских государствах молодое поколение лидеров и учёных, общественных деятелей и СМИ готовы использовать предлагаемые Россией концепции. Задача российской политики – поддерживать эту готовность.

Расширение пространства терминологии

Мы можем рассматривать «мировое большинство» как понятие, имеющее значительный академический потенциал, то есть возможность раскрытия в научной литературе. Российская наука предлагает чёткое, обоснованное определение данного термина. Распространение понятия «мировое большинство» на уровне академической дискуссии будет частично происходить естественным путём по мере его применения в научных текстах, авторами или соавторами которых являются российские учёные. Хотя этот путь, конечно, сложен с учётом структурной власти Запада в сфере распространения знаний (так называемой иерархии знаний), в том числе в рамках контролируемых ими библиометрических платформ и западных издательств. Необходима интернационализация российских академических журналов, выход на реальное партнёрство со странами БРИКС. Также перспективно поддерживать на уровне государственных программ совместные исследования, посвящённые феномену мирового большинства с постановкой в центр внимания данного понятия, с коллегами из дружественных стран.

Мировое большинство и международный порядок

Мировое большинство – структурная категория, включающая значительную группу государств, которые проводят сравнительно или полностью автономную политику по отношению к интересам великих держав – участников глобального противостояния (США, Китай, Россия). За исключением стран, полностью поддержавших Россию по вопросу специальной военной операции на Украине, подавляющее большинство государств мира не готовы сейчас или в будущем делать выбор между Россией и её противниками на Западе, а тем более – Китаем и США. Мировое большинство не является организацией или объединением. Более того, само появление этого феномена – продукт нежелания государств подчинять внешнюю политику групповым или индивидуальным интересам других держав.

Этот базовый признак данной группы, скорее всего, сохранится в будущем, препятствуя возникновению подобия «Движения неприсоединения». Во-первых, страны мирового большинства в принципе не стремятся стать частью объединений, где возможно чьё-либо доминирование. Во-вторых, прошлое «Движение неприсоединения» позиционировало себя

как альтернатива и Востоку, и Западу. Сейчас это невозможно, поскольку Россия не является лидером сколько-нибудь заметной группы союзников, а также не стремится к тому, чтобы полностью подчинить внешнюю политику других стран своим интересам. Вероятность возрождения «неприсоединения» может повыситься, если Россия и Китай решат формализовать союзнические отношения. Хотя и здесь будут препятствия: мы уже видели, что дружественные России страны, например Индия или Вьетнам, наоборот, стремятся укреплять отношения с Западом. Можно сказать, что сегодня страны мирового большинства проводят политику не «неприсоединения», а равноудалённости от участников глобального противостояния (о чём речь пойдёт ниже), с одной стороны, и «мультиприсоединения», с другой, – вливаясь в проекты и объединения с участием стран и Запада, и Китая, и России. Например, Индия одновременно является участником *Quad*, БРИКС и ШОС.

Пока мировое большинство является концептуальной противоположностью такого явления, как «коллективный Запад», являющего собой сообщество, объединённое вокруг одного лидера, и разделяющего общие интересы и ценности. Государства, состоящие в экономических или даже военно-политических союзах с Китаем и Россией (ОДКБ, ЕАЭС), также принадлежат к мировому большинству, поскольку данные союзы (за редкими исключениями) не имеют столь жёсткого характера и не направлены на противостояние с другими великими державами. С этим, в частности, связано то, что поведение стран мирового большинства может в отдельных случаях быть одинаковым по отношению к США и России с КНР. Другими словами, поведение условно близких к России стран мирового большинства может не устраивать её в той же мере, как и поведение традиционно близких к Западу и обладающих статусом союзников США государств из той же группы может идти вразрез интересам Соединённых Штатов и Евросоюза. Примеры действий союзников России в Центральной Азии или союзников США в Персидском заливе достаточно убедительны.

Таким образом, отрицание политики Запада странами мирового большинства является результатом их отказа действовать под давлением извне – за исключением обстоятельств, где иного выхода нет. К числу таких обстоятельств относится в первую очередь давление со стороны международных финансовых институтов, что делает важным вопрос о потенциале активных заимствований там правительствами стран Центральной Азии, сейчас проводящих дружественную по отношению к России и Китаю политику. Чем меньше такая зависимость, тем более свободны в своих действиях страны мирового большинства: экономическая уверенность в собственных силах

и устойчивости является наиболее серьёзным фактором продолжения их дружественной политики.

Страны мирового большинства видят разницу между Западом, Россией, Китаем в своём отрицании внешнего давления. Россия для них – партнёр, давления от которого никто не ожидает. США и Китай, с точки зрения значительного количества стран мирового большинства, – явления одного порядка. Хотя есть и различия: во многих странах Африки американская политика воспринимается как фактически враждебная, а китайская – как способствующая решению проблем здравоохранения и образования. Такое внешнеполитическое поведение не особенно отличается от классического балансирования. Однако в современных условиях оно обретает новые формы, требующие изучения на теоретическом и прикладном уровнях. В первую очередь поскольку сама международная система находится в разбалансированном состоянии в отличие от эпохи холодной войны либо предшествовавших ей исторических периодов. Поэтому и балансирование обретает более гибкий характер, не предполагая формирования устойчивых союзов и коалиций даже применительно к частным вопросам международной жизни.

Стремление абсолютизировать самостоятельность, ставшее основой мотивов стран мирового большинства, может одинаково не устраивать Запад, Россию или Китай, а иногда и вредить интересам последних. Структурно поведение этих государств не различается, и России, Китаю или США сложно добиться, чтобы страны следовали их интересам. США и Евросоюз обладают здесь, за некоторыми исключениями, определёнными преимуществами, так как контролируют мировые финансы и международные институты, хотя здесь их всё больше теснит Китай со своими инициативами. Но, допустим, Иран или Мьянма также не могут считаться однозначными союзниками России или Китая (и не являются ими официально), поскольку стремятся к сохранению полного суверенного контроля над внешней политикой, несмотря на то, что позиционируют себя как противники Запада и его прокси в виде, например, Израиля.

Важнейшей характеристикой мирового большинства является ориентация на свои, индивидуальные интересы. Чем больше будут сокращаться возможности Запада выступать в качестве надёжного источника инвестиций и технологий и чем больше будет усиливаться его политическое давление, тем активнее страны мирового большинства станут сопротивляться желанию США и Европейского союза подчинить всех своим интересам. Одним из наиболее важных факторов эволюции мирового большинства как политического

феномена останется «внешнеполитическая дееспособность» США и их ближайших союзников в Европе, способность выступать источниками ресурсов для решения задач развития.

Страны мирового большинства могут рассматриваться в качестве «мостов» между Западом и противостоящими ему Китаем и Россией, площадок для переговоров или даже экономической деятельности. Интересный пример представляет собой Индия, намного превосходящая по масштабам все остальные государства данной группы. Индия является участницей БРИКС, объединения, которое сейчас позиционируется как основная институциональная альтернатива Западу. Но та же Индия демонстративно поддерживает дружественные отношения с США и Европой. Похожей позиции придерживается и Вьетнам, хотя и намного уступает Индии по калибру. Турция, ОАЭ, Саудовская Аравия и Катар играют важную посредническую роль в решении практических вопросов, связанных с военным конфликтом на Украине (обмены военнопленных, возвращение детей, зерновая сделка и так далее), и предлагают себя в качестве посредников и переговорной площадки для полного урегулирования конфликта. Есть признаки, что многие другие государства мирового большинства, арабские страны в первую очередь, также хотели бы стать некими универсальными посредниками между конфликтующими великими державами.

Систематизация интересов мирового большинства на теоретическом уровне возможна на основе общих критериев поведения.

Во-первых, страны мирового большинства во всех случаях стремятся к повышению самостоятельности в принятии внешнеполитических решений и даже сближение с Россией, Китаем или Западом рассматривается ими как один из ключей для решения данной задачи. Спровоцировать эти государства на переход к открыто союзническим отношениям с одной из великих держав может лишь такое давление со стороны остальных, которое будет угрожать их выживанию.

Во-вторых, страны мирового большинства заинтересованы в сохранении глобальной экономической открытости и не будут совершать действий, способных нанести ей ущерб. Они понимают, что Запад уже не является гарантом глобализации, а, напротив, подрывает её своими действиями. Соответственно, все меры стран мирового большинства по созданию независимой от Запада инфраструктуры международной торговли, финансов и технологического обмена направлены не на разрушение, а на сохранение элементов глобализации.

В-третьих, страны мирового большинства не готовы выдвигать или серьёзно обсуждать абстрактный «новый международный порядок». Они хотели бы большей справедливости по отношению к своим интересам, но не собираются ради этого вступить на революционный путь.

Несмотря на то, что страны мирового большинства относятся к разным регионам (Ближний Восток, Северная Африка, Юго-Восточная Азия, Африка южнее Сахары и Латинская Америка), в поведении каждой из них можно выделить мотив сохранения их дружественной по отношению к России позиции. К отдельной категории – из-за особых отношений и связей с Москвой – могут быть отнесены страны пространства бывшего СССР, не проводящие в отношении России враждебную политику. Для них определённое дистанцирование от России является проявлением поведения, свойственного всем странам мирового большинства. Сохраняя в целом дружественные к России курсы, эти государства опасаются её усиления и стремятся использовать текущую ситуацию, чтобы обеспечить себе более прочные позиции в будущем. Либо по меньшей мере подстраховаться за счёт укрепления связей с альтернативными России центрами силы на глобальном (США, Евросоюз, Китай) или региональном (Турция, Иран) уровнях.

Мировое большинство и конфликт между Россией и Западом

Первоначально важнейшей характеристикой поведения стран мирового большинства было неприсоединение к экономической и политико-гуманитарной войне США и их союзников против России. Эта война стала политико-экономическим событием глобального масштаба. Никогда ранее крупная держава не становилась объектом такого количества шквальных ограничений внешнеэкономической деятельности, инициированных сравнительно узкой группой могущественных государств.

Можно вспомнить о системном противостоянии Востока и Запада в холодную войну, однако отличие в том, что в тот период страны социалистического лагеря не были участниками глобального рынка. Санкционная война Запада против России, резко обострившаяся после

начала специальной военной операции, – первое в истории событие такого масштаба и содержания, происходящее в условиях всеобщей включённости в глобальный рынок. Эта взаимосвязанность создаёт отправную точку для оценки действий стран, которые не присоединились к «санкциям», хотя и вынуждены в большинстве случаев учитывать их эффекты. Коммерческие субъекты почти всех стран мирового большинства (за несколькими исключениями) вынуждены реагировать на ограничения, вводимые Западом против России, хотя участвовавшие репрессивные меры в отношении ряда компаний этих государств со стороны США и ЕС говорят о стремлении всячески обойти санкционный режим.

Часто это стремление поощряется властями стран мирового большинства. Тем более когда последние понимают, что Запад сам заинтересован в развитии отношений с ними, а потому ему будет трудно вводить вторичные санкции против их компаний за сотрудничество с Россией (например, как в случае с Индией). Нежелание по собственным экономическим и политическим соображениям участвовать в санкциях против России остаётся, таким образом, важнейшим признаком и проявлением самостоятельности. Многие существенно интенсифицировали торгово-экономические отношения с Россией и активно критикуют западные односторонние санкции в рамках разных международных организаций и объединений (ООН, БРИКС, ШОС и других).

За прошедшие два года мы неоднократно имели возможность увидеть признаки субъектности, идущие дальше неучастия в санкциях против России. В частности, страны мирового большинства, за исключением нескольких, заняли особую позицию в отношении так называемого «саммита мира», созванного под патронатом США в Швейцарии в июне 2024 года. Многие из числа государств не-Запада, которые приняли в нём участие, воздержались от поддержки финального коммюнике либо отозвали свою подпись позднее, а также использовали эту трибуну для выражения своей национальной позиции, а не солидарности с Киевом. Страны мирового большинства – против отправки Киеву вооружений и военной техники, а также затягивания конфликта. Позиция практически всех их – необходимость скорейшего мирного урегулирования с полноценным участием России и с учётом её интересов. Другой актуальный пример самостоятельности стран мирового большинства – жёсткое осуждение войны Израиля против сектора Газа и выступления в поддержку Палестины. Данная война расколола мир на мировое большинство и западное меньшинство примерно так же, как и антироссийские санкции.

Таким образом, признаком поведения стран мирового большинства является уже не только (пассивное или активное) уклонение от участия в антироссийских санкциях, но и стремление заявить о своей позиции по другим значимым вопросам. Для многих из них отказ от присоединения к односторонним санкциям Запада и их критика (в особенности критика их экстерриториальной природы) – инструмент утверждения и укрепления своего суверенитета. Представители мирового большинства верно отмечают, что экстерриториальные санкции США и их сателлитов, принуждающие третьи страны воздерживаться от абсолютно законного с точки зрения международного права взаимодействия с Россией, – есть не что иное, как попытка диктовать свою волю всем странам мира и нарушение их государственного суверенитета.

Отношение стран мирового большинства к России не является глубоко инструментальным, она выступает для них в качестве противовеса (для одних) и «тарана» (для других) доминирующего положения Запада в мировой политике и – опосредованно – в экономике. Такое видение роли России является наиболее распространённым, хотя и не на доктринальном уровне. Также в странах мирового большинства считают, что сама Россия в конфликте с Западом отстаивает собственные интересы, предмет которых необязательно связан с интересами дружественных по отношению к ней государств.

Тем не менее важным элементом поведения стран мирового большинства становится желание поддерживать конструктивные и сбалансированные отношения со всеми глобальными игроками. Отказ участвовать в санкциях против России, а тем более их инициировать не означает желания занять критическую или враждебную позицию по отношению к США или Евросоюзу. Такие примеры тоже есть, но они являются редким исключением, а не правилом. Наоборот, поведение стран мирового большинства характеризуется возрастающим желанием активно развивать диалог как с Россией, так и с её основными противниками. Это объективная характеристика мирового большинства, присущая практически всем его государствам.

России стоит учитывать этот момент в развитии дипломатического диалога с дружественными государствами, а также в информационной политике. Решения о неприсоединении государства к санкционной войне Запада против России принимались (и принимаются) странами мирового большинства исходя как из текущих соображений экономической выгоды, так и на основе концептуальных подходов к внешней политике.

На примере ведущих государств мирового большинства можно выделить страновые особенности при принятии таких решений и то, что объединяет всех.

Страновые особенности

Например, в *Индии* неприсоединение к санкциям является важнейшей частью национальной внешнеполитической стратегии. Индия в принципе исходит из того, что санкции могут применяться только на основе резолюций Совета Безопасности ООН и никогда не прибегает к этой практике без широкой международной поддержки. Индийские представители и дипломаты ссылаются на многочисленные исторические примеры, когда страна не участвовала в односторонних санкционных режимах. Тем самым они также указывают на то, что текущая ситуация не является особой в индийской внешнеполитической практике, хотя Россию и Индию связывают уникальные отношения привилегированного стратегического партнёрства. Присоединение к санкциям против России противоречит внешнеполитической традиции Дели.

В случае с Индией, ставшей крупнейшим импортёром российской нефти, коммерческие интересы и стремление к выгоде вполне органично сочетаются с долгосрочной принципиальной позицией в отношении санкций как таковых. Особая позиция и неприсоединение к санкциям Запада против России рассматриваются в Индии как инструмент повышения своей значимости в мировых делах, наличия самостоятельного подхода, не подчинённого интересам других держав и союзов. Это для Дели принципиально в контексте отношений с США, которые в данный момент являются особо важными, выступая инструментом сдерживания Китая и источником технологий и инвестиций. Индийское правительство открыто заявляет о том, что рассматривает отношения с США и Евросоюзом как первостепенные для решения наиболее важных проблем развития в стране.

Это, однако, не мешает индийскому руководству проявлять твёрдость в тех случаях, когда давление со стороны Запада является демонстративным и преследует политические цели в отношении именно с Индией. Можно в этой связи предположить, что и для целого ряда других государств, не только для Индии, отказ от вступления в «санкционную коалицию» во главе с США представляет собой способ повысить своё значение, сохранить уникальное положение в мировых делах, чего они были бы лишены в обратном случае. Страны Запада, оставаясь пока центром силы в мировой политике, являются главными адресатами этих действий.

Отказ *арабских стран Персидского залива* участвовать в санкциях связан с их стойким нежеланием быть вовлечёнными в конкуренцию великих держав, которая рассматривается как фактор, способный привести к росту напряжённости на Ближнем Востоке и мешающий решению глобальных проблем (изменение климата, продовольственная безопасность, пандемии и тому подобное). Кроме того, для арабов (не только в Заливе) Россия – противовес Западу, то есть держава, которая уравнивает США и не позволяет им навязывать свою волю другим странам. Арабские страны не стремятся полностью сломать миропорядок, но хотят баланса в нём, отсутствия гегемона. Для них характерны призывы к созданию альтернативных глобальных финансовых механизмов и к реформированию системы глобального управления, чтобы сделать её более сбалансированной и увеличить влияние государств Глобального Юга в международных институтах, например, в ООН или МВФ.

Арабские страны стремятся показать США и Евросоюзу, что с партнёрами на Ближнем Востоке, и особенно в Персидском заливе, нужно считаться. Они стараются открыто не бросать вызов Западу и не создавать угрозы для тех интересов США и Европы, которые могут рассматриваться как жизненно важные. Они также продолжают сотрудничать с Западом там, где это отвечает их собственным интересам. В частности после обострения в октябре 2023 года палестино-израильского конфликта, монархии Персидского залива добивались от США более активных посреднических усилий, чтобы не допустить дальнейшей эскалации.

У арабских стран есть экономические мотивы для критики политики Запада и причины сохранения сотрудничества с Россией. Страны Залива рассматривают масштабные санкции против России как разрушающие глобальный рынок и потенциально ведущие к катастрофическим сбоям мировой торговли и финансовой системы. Для них применение экономических ограничений такого масштаба, особенно заморозка зарубежных российских активов, стало примером того, как могут поступить с ними самими в будущем. Другой мотив: Запад вводит санкции, не считаясь с экономическими интересами стран Глобального Юга и не спрашивая их мнения, что, например, приводит к сбоям поставок продовольствия на мировой рынок.

Сейчас арабские страны, особенно Объединённые Арабские Эмираты, существенно выиграли от того, что Швейцария (не говоря уже о Лондоне) утратила статус нейтральной страны и вместе с этим – статус основной переговорной площадки по политическим и экономическим вопросам. Теперь всё чаще в этом качестве выступают ОАЭ. Кроме того, важнейшим фактором, способствовавшим проведению более

самостоятельной политики арабскими странами, стал ОПЕК+, где Россия играет важную роль. Сохранение данного формата является сейчас приоритетным для стран Персидского залива в контексте их положения на мировых рынках и отношений с потребителями в Китае и на Западе. Россия, проводящая взвешенную и согласованную с ними политику на энергетических рынках, выступает как ответственный игрок, с которым есть желание иметь дело и в будущем.

Для *стран Африки* важнейшими факторами, определяющими неучастие в санкциях, являются прямая заинтересованность в России (в том числе как противовеса Западу), давние связи в военно-политической и экономической сферах, вероятность получить или лишиться доступа к фондам, необходимым для решения задач развития, борьбы с бедностью и голодом. Африканские страны наиболее близки России, но одновременно и уязвимы в силу зависимости от контролируемых Западом международных финансовых институтов и структур ООН, где США и Евросоюз также доминируют. В каком-то смысле страны континента представляют собой противоположность богатым арабским государствам Персидского залива, которые не являются по отношению к России политически близкими, но при этом могут более успешно противостоять давлению со стороны США и их союзников по вопросам соблюдения санкционных режимов, от которых сами существенно пострадали. Решение этой проблемы пока не просматривается, поскольку США и Евросоюз достаточно уверенно контролируют деятельность аппарата ООН и прочих международных агентств, от которых зависят наиболее бедные страны Африки, а также, хотя и в меньшей степени, аппарат Африканского союза и региональных экономических сообществ континента, поскольку финансируют значительную долю их ежегодных бюджетов.

Из *стран Юго-Восточной Азии* только Сингапур присоединился к санкциям, да и то формально. Остальные государства региона подчёркивают дружественное отношение к России, хотя ориентируются на реальные объёмы экономических отношений.

Отдельно стоит Вьетнам, который видит Россию как важного партнёра и поставщика вооружений, противовес в отношениях с Китаем. Позиция Вьетнама рассматривается сейчас как наиболее дружественная среди стран ЮВА⁴. Это было подтверждено в ходе визита президента России

⁴ За исключением, конечно, Мьянмы, которая при нынешнем режиме – в 2021 году в стране произошёл военный переворот – сама находится в конфронтационных отношениях с Западом.

в Социалистическую Республику Вьетнам в июне 2024 года. Сохраняя и укрепляя дружественные отношения с США, Вьетнам рассматривает их в качестве баланса растущему китайскому могуществу, но не стремится стать добровольным проводником американских интересов в регионе или на глобальном уровне. Отсутствие реакции Китая на развитие отношений России и Вьетнама говорит о высокой степени доверия в китайско-российских отношениях и о зрелости подходов Пекина к важным вопросам региональной политики. Политическая активизация отношений России с Вьетнамом и другими странами ЮВА также перекликается с наметившимся стремлением некоторых стран АСЕАН (Камбоджа, Мьянма, Лаос) участвовать в качестве партнёров по диалогу в работе ШОС.

Общей и довольно предсказуемой характеристикой поведения стран региона Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛКА – Латинская и Карибская Америка) как части мирового большинства стал отказ от присоединения на правительственном уровне к санкционному давлению против России как в 2014-м, так и в 2022 году. Позиция стран ЛКА в этом вопросе весьма чёткая: недопустимы санкции, принятые меньшинством, а большинство их может принять только в рамках и посредством институтов ООН, все иные санкции незаконны.

Следует, однако, учитывать, что значительная часть бизнеса стран ЛКА, особенно крупного, теснейшим образом интегрирована в глобальную экономику и связана с западными партнёрами. И это стало причиной частичного участия бизнеса стран ЛКА в санкциях, хотя и не напрямую. То есть вторичные санкции соблюдаются бизнес-структурами, тогда как на уровне правительств нет присоединения (кроме Багамских островов) ни к первичным, ни к вторичным санкциям.

Проникновение китайского бизнеса в страны ЛКА, давно оттеснившего США и ЕС на вторые или третьи позиции в ряде государств, также сокращает возможность прямого присоединения стран ЛКА к санкциям. Кроме того, страны ЛКА, их импорт и экспорт, серьёзно пострадали от европейских санкций в отношении России, и это обеспечило негативную реакцию стран ЛКА в отношении одностороннего эмбарго, бьющего по интересам Глобального Юга.

Страны ЛКА осуждают проведение специальной военной операции России на Украине: на их позицию влияет болезненный исторический опыт, когда государства региона становились объектом давления

и интервенций со стороны крупных субъектов мировой политики, прежде всего США. Это обстоятельство заставляет воспринимать Украину в качестве жертвы. Кроме того, государства Латинской Америки выступают за примат международного права, соответственно, вооружённый конфликт воспринимается ими негативно и трактуется как нарушение норм дипломатии.

Спустя два года после начала конфликта эмоциональность его восприятия в Латинской Америке значительно снизилась. Эта тенденция просматривается в результатах социологических исследований в 2022 и 2023 годах: увеличилось число респондентов, считающих, что тематика Украины далека от региональных проблем; кроме того, экономическая ситуация в латиноамериканских странах заставляет респондентов менять свои взгляды на материальную поддержку Киева в сторону её уменьшения; также во всех опрашиваемых латиноамериканских странах сократилось число респондентов, верящих в «возможное расширение военных действий со стороны России» в других странах Европы.

Страны Латинской Америки (за редким исключением) стремятся сохранить межблоковый статус и не присоединяться к той или иной коалиции. Несмотря на то, что государства региона зависят от ряда российских товаров, прежде всего удобрений, компании не рискуют нарушать режим ограничений, опасаясь вторичных санкций и уголовного преследования со стороны властей США. Поэтому страны региона зачастую руководствуются прагматической позицией, стараясь взаимодействовать со всеми субъектами мировой политики, способных оказать им экономическую помощь. Неприятие гегемонии США значительной частью латиноамериканских обществ не приводит к политическому дистанцированию от Вашингтона. Готовность к налаживанию конструктивных отношений с Белым домом проявляют и его традиционные оппоненты: Куба, Венесуэла и Никарагуа. Страны ЛКА в целом придерживаются позиции «активного нейтралитета», что обусловило их отказ от участия в так называемом «саммите мира» в Швейцарии. Не поддерживая российскую позицию по СВО, в целом страны ЛКА чётко дают понять, что конфликт может быть разрешён только дипломатическими средствами и компромиссами, что невозможно без участия России. Исключение здесь – позиция Чили, Эквадора и Гватемалы, выступающих в унисон со странами Запада с самого начала конфликта.

Равноудалённость мирового большинства

В странах мирового большинства видят различия между участием в западных санкциях и их вынужденным соблюдением конкретными компаниями, которые хотят остаться на глобальном рынке и сохранить условия для нормального ведения бизнеса. Для них, конечно, важно объективно оценивать последствия давления со стороны США и Евросоюза и иметь в виду вероятность введения так называемых вторичных санкций. Можно проследить чёткую зависимость между масштабом торгово-экономических отношений с Россией и готовностью стран-партнёров создавать более гибкие механизмы, позволяющие полностью или временно купировать ущерб от вторичных санкций или угрозы их введения.

Примеры Индии и Вьетнама показывают, что стремление больших и относительно больших государств мирового большинства быть равноудалёнными от участников глобального противостояния объективно помогает реализации российских интересов. Именно такие страны могут проявлять наибольшую гибкость и инициативность в создании новых форматов взаимодействия; к тому же они менее подвержены давлению со стороны США, которые заинтересованы в сотрудничестве с ними по своим причинам.

Соответственно, различается и степень готовности стран мирового большинства к тому, чтобы создавать для отношений с Россией параллельные финансовые институты, включая платёжные системы. Хотя в отдельных случаях (Вьетнам, Китай) этот процесс набирает силу. Стоит, видимо, ожидать, что наиболее крупные дружественные к России страны будут постепенно идти по пути создания параллельной инфраструктуры торговли, неуязвимой для репрессий со стороны США по причине отсутствия её участников на американском рынке.

Тем самым сформируется основа для расширения международных систем расчётов, платежей и страхования, находящихся за пределами структур, что созданы Западом и замкнуты на него. Новая инфраструктура мировых финансов и торговли будет создаваться постепенно, в течение нескольких лет, если не десятилетий, по мере того как США и Евросоюз будут всё больше доказывать свою неспособность договариваться и адаптировать подконтрольные им механизмы к изменению баланса сил в мире

и к более независимой политике стран мирового большинства. Для России важно стабильно удерживать своё место в трансформирующейся мировой экономике и торговле, креативно использовать криптовалюты и другие гибридные формы расчётов.

Стратегия равноудалённости стран мирового большинства от основных глобальных конкурентов в лице России, Китая и США применима не только к текущему конфликту между Россией и Западом. Преобладание такого подхода связано с системным кризисом так называемого «либерального мирового порядка» во главе с США. Значительное количество стран уже не испытывает уверенности в том, что Соединённые Штаты, обладающие пока наибольшим влиянием в мире, способны эффективно исполнять функции глобального распределителя благ. Усиление репрессивных составляющих в американской, и западной в целом, политике толкает множество государств к подстраховке. Рост могущества Китая также очевиден. Однако тут не всё так просто. У многих⁵ Китай вызывает опасения из-за своей потенциальной склонности к доминированию и затягивания малых и средних стран в долговые обязательства. Подобный опыт сотрудничества с КНР стал достаточно распространённым за последние годы, что эффективно используется западной пропагандой для дискредитации политики Китая. Кроме того, Китай, как и Россия, не располагает контролем за деятельностью международных агентств и фондов, предоставляющих средства для развития. Споры вызывает и то, насколько даже такие крупные инициативы, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций или Фонд Шёлкового пути, могут быть альтернативой западным финансовым институтам. Другими словами, пока Китай не является полноценной альтернативой Западу – даже в условиях сравнительного ослабления США и ЕС, что способствует росту самостоятельности и адаптивности стран мирового большинства.

Мировое большинство и старый порядок

В отдельном изучении нуждаются основные инструменты политики США в отношении стран мирового большинства. Мы видим на реальных примерах, что эти инструменты, несмотря на общую природу, различаются по степени жёсткости и применяемым методам

⁵ За исключением государств Персидского залива.

от одного региона к другому. Арабские страны Персидского залива находятся в более уязвимом, например, положении, чем государства Юго-Восточной Азии или – частично – Африки, поскольку их безопасность зависит от американского военного присутствия. Хотя они активно ищут способы снижения этой зависимости, в том числе через развитие собственного ВПК и налаживание связей с другими глобальными игроками. Индия вообще стоит особняком: выстраивает дружественные отношения с Западом, стремится получить от него технологии и инвестиции, но одновременно на уровне населения и значительной части элиты сочувствует России. Аналогичная ситуация в Индонезии, хотя там это не является частью широкого дискурса и относится в первую очередь к военным кругам.

Запад отказывается признавать феномен мирового большинства и стремление его стран к большей самостоятельности и автономии. В США и Европе склонны представлять ситуацию в привычной для них бинарной парадигме блокового противостояния: Запад и возглавляемый им миропорядок (который в последние годы называется «порядком, основанном на правилах») против группы «ревизионистов» в лице Китая, России, Ирана, КНДР и ещё нескольких склоняющихся на их сторону государств. Этой группе приписывается стремление разрушить существующий «правильный» порядок, чтобы или выстроить другой, основанный на их ценностях и благоприятствующий их интересам, или вовсе превратить мир в «глобальный хаос». Все остальные страны, по мнению США и их союзников, непременно должны выбрать сторону – как в отношении украинского конфликта, так и в отношении мироустройства в целом.

Запад пользуется привычным для него методом кнута (запугивание) и пряника (оказание особых знаков внимания, незначительное повышение статуса объекта). Такими «пряниками», например, являются присвоение Кении статуса основного союзника США вне НАТО или предложение провести следующий «форум мира» по Украине в Гане. Но за исключением особенно уязвимых стран этот старый метод уже не действует, что, видимо, в определённый момент заставит США и Евросоюз стать более гибкими.

Особенностью поведения стран мирового большинства является «отталкивание» именно от тех великих держав, с которыми они больше всего связаны экономически и геополитически. А поскольку Запад обладает гораздо большим числом условно «близких» стран, чем Россия или Китай, то и его проблемы в связи с оформлением данной группы более масштабны.

Для Соединённых Штатов такое «отталкивание» наиболее чувствительно в случае с государствами Латинской и Карибской Америки и Персидского залива. Американские позиции в этих регионах весьма сильны, поэтому подчёркивание своей автономии по отношению к США становится там центральной идеей. Хотя в практическом плане сохраняет характер торга в условиях, когда полное освобождение от американского влияния представляется местным правящим кругам невозможным или нецелесообразным.

«Отталкивание» от Европы наиболее сильно проявляется в Африке, где были традиционно сильны позиции Франции. Однако в связи с общим геополитическим ослаблением ведущих европейских государств там оно становится признаком не торга, а стратегического самоопределения.

Подобное «отталкивание» может вызывать раздражение и у России, когда речь идёт о близких к ней государствах, но это неотъемлемый признак поведения мирового большинства. Влияние России пока наиболее сильно в странах бывшего СССР. Полный разрыв связей с Россией и переход под покровительство её противников не рассматривается здесь как стратегическая задача (за исключением нынешних властей Украины, Молдовы и отчасти Армении). Вероятность «смены покровителей» наиболее мала в странах Азии, уверенно чувствующих себя в мировой экономике и политике: они проводят сбалансированную стратегию и именно их действия могут рассматриваться в качестве прототипа международной политики в будущем.

Традиционно связанные с США страны Латинской и Карибской Америки (ЛКА), пожалуй, почти без исключения, делают ставку на максимальную диверсификацию торгово-экономических и в меньшей степени политических контактов. В этом плане многие из них спокойно относятся и к отношениям с Ираном⁶. Такое поведение не является ни пророссийским, ни прокитайским, ни прозападным. Страны ЛКА намереваются добиться большей представленности в мировых институтах, для чего стремятся поддерживать ровные и динамичные отношения со всеми мировыми центрами силы. Даже те, кто выразил активное желание стать участником БРИКС (официальные заявки подали Куба, Боливия, Венесуэла, Никарагуа, на уровне деклараций высказался за присоединение президент Колумбии), не воспринимают БРИКС как антизападный блок, а видят в нём средство увеличить собственное влияние в мире, чтобы вести диалог с Западом на равных.

⁶ Исключение – Аргентина, для которой вступление Ирана в БРИКС стало одной из важнейших причин отказа от продолжения процесса присоединения к группе.

Масштаб связей ЛКА с Россией хотя и серьёзно возрос (товарооборот в 20 миллиардов долларов давно превзошёл советские показатели), продолжает отставать от товарооборота с США, ЕС и КНР; инвестиционное сотрудничество крайне незначительно. Так что бизнес-связи играют меньшую роль в неприсоединении ЛКА к санкциям, чем желание продемонстрировать независимую позицию. Страны ЛКА не выражают желания переходить на систему расчётов в национальных валютах с Россией (в случае с Бразилией это невыгодно самой России ввиду сильного дисбаланса в торговле), хотя им и важно уйти от системы расчётов в долларах. Они также не стремятся к созданию параллельных финансовых институтов, включая платёжные системы. В то же время они готовы рассматривать вопрос расчёта с Россией в юанях через китайские банки – естественно, это касается в первую очередь тех стран, у кого наибольшее число торговых связей с КНР.

Перенос модели взаимоотношений ЛКА со странами Запада и СССР на современные обстоятельства невозможен по целому ряду причин. Традиционные союзники СССР – левые, особенно их коммунистический сектор, серьёзно ослаблены в политическом плане и не могут превратиться в ключевую политическую силу в большинстве стран; часть левых занимает гораздо более антироссийскую позицию, чем центристы и правые (особенно новые левые в Чили, Аргентине, Перу); достаточно скептической является позиция Кубы, которая сохраняет традиционную антиимпериалистическую линию, но не воспринимает Россию как антиимпериалистическое государство. Никарагуа и Венесуэла, на первый взгляд самые надёжные союзники, являются нестабильными в политическом плане, кроме того, ищут прагматическую формулу сосуществования с США, и только упрямая и твердолобая позиция «ястребов» в Вашингтоне мешает им начать всерьёз договариваться.

Границы мирового большинства

Процесс осмысления и изучения феномена мирового большинства, основных факторов, обуславливающих поведение и развитие принадлежащих к этой группе стран, а также возможных последствий их решений и действий, влияние их на интересы России, Китая и Запада только начался. Определить чёткие границы самостоятельности стран мирового большинства пока невозможно: они подвижны в силу разнородности

сообщества и зависят от конкретных обстоятельств, а также динамики соотношения сил основных глобальных держав. Также невозможно пока сказать, как их поведение может изменить уникальное положение стран – постоянных членов СБ ООН в том, что касается вопросов международной безопасности.

Мировое большинство постепенно начинает обретать свой голос. Уже достигнут консенсус среди стран «пятёрки», что при реформе СБ ООН Африка и Индия должны стать постоянными членами. Скорее всего, от Африки постоянным членом станет Африканский союз (АС) и каждый год в Совбезе его будет представлять новая страна Африки, председательствующая в АС.

Практически все страны мирового большинства жёстко выступают за полную отмену права вето в СБ ООН и наделение Генеральной Ассамблеи правом принимать решения по вопросу войны и мира, если Совбез парализован. А это – серьёзный вызов для интересов постоянных членов. Кроме того, почти все страны мирового большинства являются участниками Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО)⁷ и выступают против разработки, испытаний, производства, накопления запасов, размещения, передачи и применения ЯО.

В перспективе эта значительная группа государств, скорее всего, не будет массово примыкать к существующим союзам, способным нивелировать их интересы, или стремиться к созданию собственных международных институтов, региональных объединений. Подобный опыт у них уже был (и есть) и каким-то прорывным успехом не увенчался – речь об АСЕАН, которая, являясь в целом успешным проектом, сегодня испытывает серьёзные трудности с определением дальнейшего пути развития.

Мировое большинство останется своеобразным поведенческим феноменом. В перспективе данные страны, представляющие собой зону открытой конкуренции, так же будут сохранять самостоятельность в проведении политики и избегать «стратегического выбора» в пользу какой-то великой державы или группы держав.

Проекция будущего международного порядка с учётом феномена мирового большинства может выглядеть так. Новое мироустройство сохранит жёсткую основу в виде крупнейших государств, располагающих наибольшими военными возможностями и находящих между собой в особых отношениях, которые будут сочетать конкуренцию и балансирование на уровне угроз. Однако контроль этих держав над всеми остальными будет ослабевать,

⁷ Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, TPNW.

что позволит мировому большинству обрести устойчивость и соразмерное влияние. Этот наиболее вероятный сценарий не предполагает полного, а тем более внезапного, обрушения статуса Запада (США и слабеющая Европа), России или Китая. Однако твердыня структуры международной системы периода имперского европейского порядка, холодной войны или «однополярного мира» будет постепенно разрушаться и в какой-то момент окажется невосстановимой.

Контурь российской политики

Предварительный анализ природы, мотивов и поведения широкой группы государств, получивших в России название «мировое большинство», позволяет сделать несколько выводов/предположений/рекомендаций относительно того, какие принципы могли бы в будущем составлять основу российской политики во взаимодействии с этой группой.

1. Россия не стремится к тому, чтобы на концептуальном и практическом уровне объединить настолько разнообразное сообщество вокруг единой и поддерживаемой всеми его участниками цели. Такая цель у стран мирового большинства, вообще-то, есть – создание более справедливого международного порядка, но не может быть силы, которая консолидирует их для планомерной и организованной борьбы. Стоит исходить из того, что российские решения на двустороннем уровне должны соотноситься с тем, какой справедливости страна-партнёр ищет в отношении себя и своих интересов.
2. Взаимодействие с мировым большинством – комплекс двусторонних отношений разной степени интенсивности, гибких и динамичных. Россия должна быть готова к тому, что будет сталкиваться с ситуациями, не совсем для неё комфортными. Действия стран мирового большинства могут быть продиктованы разными мотивами, среди которых на первом месте – национальные интересы выживания и развития. Это качественно повышает требования к страноведению в России, включая подготовку и переподготовку дипломатического корпуса и профильных специалистов других ведомств. Необходимо детальное понимание сильных и слабых сторон буквально каждого государства мирового большинства.

3. Многосторонний подход, в том числе на региональном уровне, сохраняет значение, хотя и в меньших, чем ранее, масштабах. На фоне глобальной напряжённости страны всё больше соотносят свои решения с собственными национальными интересами, а не с обязательствами, принимаемыми ими в рамках форумов и объединений. Все без исключения многосторонние форматы, созданные в прошлом, переживают трудные времена. Даже такие успешные, как, например, АСЕАН. Российская политика в отношении мирового большинства должна быть направлена на поддержку любых инициатив дружественных стран, которые не наносят ущерб её интересам.
4. Полное или доминирующее следование интересам и тактическим предпочтениям великих держав со стороны средних и малых государств – уходящая натура. Такая практика всё больше локализуется в рамках сообщества стран Запада, объединённых общими интересами по отношению к окружающему миру. Соответственно, нужно исключить на уровне политической риторики призывы к тому, что другие государства должны занять позицию «ведомых» по отношению к России. Попытки «вписать» их в собственные умозрительные геополитические схемы представляются ошибочными.
5. Важнейшим направлением взаимодействия с мировым большинством является распространение дискурса, который Россия считает правильным. Соревнование идей значит не меньше, чем состязание экономического и военного потенциалов. Поэтому для России важно, понимая все ограничения своих ресурсов, активно участвовать в международной экспертной дискуссии, продвигать свои категории понимания политической реальности, стремиться не идти по традиционному для нас простому пути усвоения и использования конструктов противников России на Западе.

И, несомненно, в центре всего вышеперечисленного должно быть видение партнёров в динамике эволюции их собственных интересов и ограничений.

 Valdai_Club
 valdaiclub
 valdaiclub
 valdaiclubcom
 Международный
дискуссионный
клуб «Валдай»
admin@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ